
СТИХОВЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРОЗЕ В. АКСЕНОВА

Е.Г. Иващенко

Кафедра журналистики

Амурский государственный университет

Игнатьевское шоссе, 21, Благовещенск, Амурская обл., 675027

В статье рассматривается специфика стиховых стратегий в прозе Василия Аксенова. Сопоставление двух произведений советского периода творчества, повести «Коллеги» (1959 г.) и романа «Ожог» (1975 г.), отстоящих друг от друга во времени, позволяет проследить формирование авторской стратегии, связанной с совмещением двух форм словесного выражения — стиха и прозы. Если в ранних прозаических произведениях Аксенов использовал традиционные формы стиха и четко отделял их от прозы, то в «Ожоге» он выступил как изощренный экспериментатор, значительно расширив версификационный репертуар и продемонстрировав многообразные варианты совмещения двух форм. Значительно увеличился объем стиховых элементов и их смысловая нагрузка.

Ключевые слова: стих, проза, прозаизация, метр, рифма, ритм.

Доминирующим способом словесного выражения в творчестве Василия Аксенова всегда была проза. Но в рамках прозаических текстов стих присутствовал у него, начиная с первых повестей. С течением времени усложнялась поэтика стиха и манера его введения в прозаический текст. Аксенов прошел путь от языковой ясности до крайней усложненности стиха, недаром венцом его творчества стала книга «Край недоступных Фудзиям». В данной статье объектом изучения станут первое и последнее произведения советского периода творчества писателя: повесть 1959 г. «Коллеги» и роман «Ожог», датированный 1969—1975 гг., позволяющие проследить формирование творческой манеры Аксенова.

Уже ранние произведения писателя содержат значительное количество стиховых элементов. Помимо прямого включения стихотворений и их фрагментов в структуру прозы, Аксенов использует ритмизацию всех уровней прозаического текста и поэтическую образность. Данные тенденции отчетливо прослеживаются в одной из первых работ — повести «Коллеги». Произведение обладает всеми признаками, характерными для «прозы поэта»:

Натиск весны в этом году был сокрушительным. С середины марта все потекло. Пошла работа для треста очистки. С утра до вечера улицы скоблили и подметали разные самодвижущиеся механизмы. А дворники дедовским способом ухали снег с крыш, бомбардировали тротуары. Веселая бомбежка в Ленинграде! Вечером солнце, клонясь к частоколу зданий Васильевского острова, пробивало лучами вереницу троллейбусов и автомашин на Большом проспекте Петроградской. Потом небо над закатом начинало зеленеть, напоминая о лете, о пионерском лагере, о мечтах про далекие страны, и странствия. В мокрых скверах появлялись парочки и шумные группы с гитарами. Начиналась весенняя ночь с треньканьем струн, с тихими возгласами, с шорохом, с хохотом, с поцелуями. [1. С. 18]

Яркие образы («натиск весны», «дворники бомбардировали тротуары» и др.) придают отрывку поэтичность. Это ощущение усиливает ритмическая упорядо-

ченность, создаваемая приемом перечисления и включением в текст довольно продолжительных «случайных» метрических цепей («а дворники дедовским способом...» — амфибрахий, «веселая бомбежка в Ленинграде» — ямб, «вечером солнце, клонясь к частоколу» — дактиль и др.). Звуковые повторы также вносят свой вклад в формирование образности. В целом, использование стиховых элементов вполне традиционно: они не бросаются в глаза неискушенному читателю и создают нужный эмоциональный накал.

Отличительная черта «Коллег» — обилие законченных стихотворений и стихотворных фрагментов. В «Крае недоступных Фудзиям» Аксенов писал, что в первоначальном варианте каждую главу повести предварял стихотворный фрагмент, но редактор «выломала этот изыск» [2. С. 11]. Впрочем, и оставшихся стихотворений для жанра повести немало. Объем данных элементов разнится — от однострочного трансформированного фрагмента широко известной песни «А молодого коногона несут с разбитой головой» до авторского шестнадцатистишия «В столовке грохот и рокот...».

Большинство стихотворных фрагментов в повести — цитаты. Перечень цитируемых авторов широк — от классиков литературы до современников автора: Аполлон Григорьев, Борис Пастернак, Степан Щипачев, Александр Гладков, Николай Доризо и др. Подбор цитат нельзя назвать случайным. Произведения, к которым обращается Аксенов, были популярны в конце 1950-х гг., их включение в текст не только раскрывает характер героев, но и помогает воссоздать ощущение эпохи с ее верой в лучшее будущее и, одновременно, с самоиронией, стремлением вырваться за рамки жестко регламентированной жизни. Стихотворения в повести — это образцы популярной, по преимуществу песенной, поэзии: «Огней так много золотых» Н. Доризо, «Подари на прощанье мне билет» А. Галича, «Поговори-ка ты со мной, гитара семиструнная» А. Григорьевой. Или фрагмент из песни неизвестного автора, популярный в 50-х гг., переработанный А. Городницким в популярный шлягер:

Я иду по Уругваю,
Ночь — хоть выколи глаза,
Слышу крики попугаев
И маргышек голоса. [1. С. 141]

Встречается в тексте и фрагмент из стихотворения Б. Пастернака, который Аксенову пришлось выдать за свой, поскольку в те годы имя Пастернака было под запретом [2. С. 13—14]:

Удар, другой, пассаж, и сразу
В шаров молочный ореол
Шопена траурная фраза
Вплывает, как большой орел. [1. С. 209]

Стихотворные тексты, интегрированные в повесть, легко разделить на две группы: первую объединяет игровой характер, комическая составляющая, словесная резкость при формальной традиционности, вторую характеризует любовная тематика и, как следствие, лиризм.

Нельзя не заметить, что в некоторых случаях Аксенов вольно обращается с чужими произведениями, заменяя отдельные слова и фразы. Незначительные изменения исходных фрагментов позволяют адаптировать чужой текст в собственном произведении, сделать его «своим» для героев.

Лишь небольшая часть стихотворных фрагментов в «Коллегах» принадлежит Аксенову. Все эти произведения вложены в уста разных персонажей, что и обуславливает их стилистическую разницу: от неловких потуг Ибрагима до экспромтов Максимова. Объединяет их игровой характер, смеховая составляющая, совмещение высокого и низкого, то есть именно те черты, которые станут характерной особенностью зрелого творчества Аксенова:

Ибрагим:

Зовут меня в ударники,
Чтоб я в бригаду к ним ходил...
Зачем мне ваши кубики,
Я свободный Ибрагим. [1. С. 93]

Максимов:

Прислали мне мои друзья китайцы
Рубашку из своей большой страны,
И я купил ее в универмаге
И направляю каждый день в штаны. [1. С. 113]

Максимов:

В столовке грохот и рокот,
Запах борщей и каш.
Здесь я увидел локоны,
Облик увидел ваш.
В бульоне плавал картофель,
Искрился томатный сок.
Я видел в борще ваш профиль,
И съесть я борща не смог.
Быть может, вот так же где-то
В буфетах Парижа, Бордо
Стояли за винегретом
Тургенев и Виардо.
«Тефтели с болгарским перцем», —
Вы скажете свысока.
Хотите бифштекс из сердца
Влюбленного в вас чудака? [1. С. 129].

Отец Веры:

Корявые гиганты,
Ломайте глобус
И забывайте —
Ухао! Ухоо! [1. С. 188]

Первый фрагмент, представляющий собой ямб, переходящий в хорей, вложен в уста рабочего Ибрагима. В тексте присутствует некоторая языковая «неправильность», подчеркивающая национальность персонажа и придающая его образу до-

стоверность. А ритмический «сбой» и особенности рифмовки в данном случае призваны продемонстрировать «наивность», примитивизм поэзии Ибрагима.

Второй фрагмент, приписанный автором Максимову, является пятистопным ямбом. В нем обыгрывается идеологический стереотип («друзья — китайцы»), что в совокупности с бытовым, сниженным образом (и запроваляю каждый день в штаны) создает комический эффект.

Стихотворение «В столовке грохот и рокот» написано трехударным дольником. Ритмика стиха и его образность отчетливо намекают на пародийный характер текста. Схожесть ритмической структуры наталкивает на сопоставление произведения со стихотворением А. Блока «Вхожу я в темные храмы». Образность усугубляет ощущение сходства: темный храм с лампадами в советской действительности трансформируется в «столовку» с запахом борща, а Вечная Жена в современницу. Нельзя не заметить и влияние поэтики Маяковского: «бифштекс из сердца влюбленного в вас чудака» своей шокирующей образностью в совокупности с лиризмом напоминает «Облако в штанах».

Четвертый фрагмент, написанный двухстопным дольником, навеян поэзией футуристов. Отсюда гиперболическая метафора, рваный ритм, отсутствие рифмы.

В целом, стихотворные фрагменты «Коллег», принадлежащие перу Аксенова, созвучны своему времени, при этом в них ощутима авторская индивидуальность. Традиционный метрический репертуар, особенности строфики и рифмовки уже в этом раннем произведении усложняются интертекстуальностью, сочетанием элементов высокой и массовой культур, смеховым началом, то есть всем тем, что станет приметой стиля Аксенова в зрелом творчестве.

С течением времени намеченные в «Коллегах» тенденции усиливаются. Увеличивается объем стихотворных вставок в прозаическое целое, существенно усложняется их поэтика. «Ожог» как последнее произведение советского периода творчества В. Аксенова отчетливо демонстрирует данное утверждение. В нем Аксенов предстает не только как прозаик, но и как сложившийся поэт.

В «Ожоге» по сравнению с «Коллегами» резко возрастает количество стихотворных вставок: их частотность и значительный объем сразу привлекают внимание читателя, указывая на особую «литературо-ориентированную» природу текста. Меняется и состав: произведение включает в себя разнообразный метрический репертуар, от силлаботоники до верлибра и версейной прозы. Демонстрируются различные способы включения стиха в прозаическую структуру.

Как и в «Коллегах», в «Ожоге» много заимствованных стихотворных цитат. В одних случаях авторство указано, в других Аксенов апеллирует к читательской эрудиции. Цитируются произведения В. Ходасевича, Н. Гумилева, В. Маяковского, В. Высоцкого, Б. Окуджавы и др. При этом Аксенов более свободно, чем в «Коллегах», обращается с «чужими» текстами: он не просто цитирует, но «трансплантирует» их в собственное произведение:

Утро утро начинается с рассвета
здравствуй здравствуй непонятная страна
девчата смотрите еще десяточка летит
Лови! Лови!
ох улетела в нейтральные воды

у студентов есть своя планета конфета газета
это это это целина. [3. С. 162]

Фрагмент песни В.Г. Харитонов «Планета Целина» (1955 г.) разбивается прозаизированными авторскими ремарками. Меняется семантическое пространство текста. Формируется новый образ «непонятной страны», окруженной «нейтральными водами».

Но все же основной корпус стихотворных текстов в произведении принадлежит Аксенову. Они носят новаторский, экспериментальный характер. Аксенов отказывается от клишированности, стандартности, бросает вызов устоявшимся канонам. Одним из приемов, позволяющих создать «другую» поэзию, становится прозаизация стиха, балансирование на грани между стихом и прозой.

Самые частотные приемы прозаизации стиха у Аксенова: нарушение метрической интенции, нерегулярная рифмовка, «перетекание» стиха в прозу (отсутствии границы), а также намеренно сниженные прозаичные образы:

тот яркий плотный снег
и солнце в коридорах
пустой урок пинок
эй Толька фон Штейнбок
иди тебя там ждут
под теми ЧТО НЕ ПЬЮТ
горняк моряк доярка и ваня-вертухай
и черное пятно на солнечном снегу
машина марки «ЭМ»
иди быстрее Толик
машина видишь ждет, а Сидоров, прыщавый гнилозубый все
прыгал по партам на манер Читы с диким воплем «зачесалось муде, непременно
быть беде», пока и он не затих, глядя вслед уходящему в глубину коридора фон
Штейнбоку. [3. С.15—16]

Плавное перетекание стиха в прозу демонстрирует слияние двух форм, их нерасчлененность в авторском дискурсе. Данное впечатление поддерживает демонстративная «грубость», создаваемая сниженной лексикой («урок-пинок», «ваня-вертухай», «прыщавый гнилозубый»), в сочетании с поэтическими образами («тот яркий плотный снег и солнце в коридорах»). Формальные элементы стиха — метрика, ритмика, строфика, фоника — свидетельствуют о «балансировании» между стихом и прозой: присутствует деление на строки, но установить закономерность трудно, есть звуковые повторы, но рифмовка нерегулярная, четко прослеживается ритмика трехстопного ямба, и все же присутствует инерционный сбой. Проза, окружающая данный стихотворный фрагмент, также содержит элементы стиховности, а точнее, большое количество так называемых «случайных» метров, которые в силу своей регулярности назвать «случайными» трудно («машина, видишь, ждет», «а Сидоров, прыщавый, гнилозубый», «зачесалось муде, непременно быть беде»). Используя прием сближения стиха и прозы, Аксенов демонстрирует противоречивость, многомерность мира, в котором сливаются грубость и утонченность, простота и сложность, стих и проза.

По подобной схеме построено стихотворение под заглавием «Плач мадемуазель Мариан Кулага»:

Ах, где ты. родина-неродина, далекая и нежная, метельная
и снежная, в куличиках, калачиках... поплачьте-ка!
О чем ты? О палачиках? О пальчиках? Ах. Геночка!
Расскажи мне об этой далекой неродине, где я еще не была, а
только лишь слушала в Париже ее посланцев, стихотворцев и
скрипачей <...>
А ты говоришь, она вся в гусеницах, в грохоте, в мазуте и
солярке... Ты говоришь — на троих, говоришь, полбанки...
кес ке се?... Ты говоришь — фрей с гондонной фабрики и курва
с котелком... кес ке се, кес ке се? Геночка, ответь, скажи хоть
слово! Кес ке се «пистон поставить»?
...Огромная, пустынная, холодная, поземка, поземка по всей
ее широте... Геночка, почему ты молчишь? [З. С. 76—77]

Разновеликий объем строк (от 3 до 23 слогов), смена метрических цепей, нерегулярная рифмовка приводят к тому, что стиховой ритм постоянно меняется, разрушая ритмические «ожидания» читателя. С помощью данных приемов Аксенов передает ощущение непостоянства, зыбкости, неупорядоченности бытия. А сочетание пронзительной поэтичности и ненормативной лексики усиливает ощущение дисгармонии, хаоса.

Еще одно произведение «Сон о недостатках» представляет собой пример версейной прозы с тенденцией к урегулированности слогового объема:

В ту ночь в театре на балконе ночи «Севильского цирюльника» давали (22 слога)
и НЕДОДАЛИ! (5 слогов)

По зеленым шторам я полз наверх, чтоб в книгу предложений вписать мою любовь, (23 слога)

любовь к Россини. (5 слогов)

Россини милый, юный итальянец, твоя страна, твои ночные блики, твои фонтаны, девушки и флейты обманом мне НЕДОДАНЫ сполна! (43 слога)

Меня надули явно с увертюрой, мне недодали партию кларнета, в России мне Россини не хватает, и это подтвердит любой контроль! (43 слога)

Милейший Герцен, не буди Россию! Дитя любви, напрасно не старайся! Пускай ее разбудит итальянец, бродяга шалый в рваных кружевах! (43 слога)

Я полз по шторам к вышнему балкону, минуя окна, в коих поэтажно струилась Австрия и зеленело Осло, мерцала Франция и зиждился Берлин. (47 слогов)

Внизу добрейший участковый Ваня гулял, лелея меховой подмышкой массивную, как Гете, книгу жалоб, насвистывал паролы стукачам. (43 слога)

А стукачи, отважная дружина, трясли ушами, словно спаниели, скакали грубошерстным фокстерьером, бульдожками разбрызгивали грязь. (43 слога)

А на балконе в театральном громе, среди облаков, над крышами России белейшая нежнейшая Розина плела интриги сетчатый чулок. (43 слога)

Меня ль ждала? Чего ей недодали? В Италии потребность в коммунизме, по слухам, увеличилась. Марксизмом насыщен, но не слишком, их Пьемонт. (43 слога)

Я удалялся вверх, а КНИГА ЖАЛОБ огромной всероссийской увертюрой гремела под ногами. Битва века там шла уже четырнадцать веков. (43 слога)

Всем недодали что-то. Горожане сушили порох, отливали пушки. Князья ярились. Вилами крестьяне пытались расписаться в книге жалоб. Булыжник корчевал пролетарьят. (54 слога)

Казалось русским: леса недодали, надули с электричеством, с правами гражданскими мухлюет государство, жида таскают материализм. (43 слога)

На самом деле недодали нашим косматым мужепесам итальянку, мажорную столярную сюитку, дрожашую от страсти в кружевах. (43 слога)

А итальянцам недодали дрына, развала бочкотары, хриплой пасти, шершавого татарского маяла им не хватает к чаю, в шоколад. (43 слога)

И книга жалоб итальянским небом висела надо мной в огромных звездах, и жар Везувия ее подогревал. (34 слога)

Я потерял доверие к пространству, я — таракан — карабкаюсь по шторам, по оперным карнизам, вверх ли, вниз ли, слежу Розину, а она, как в море, скользит челном в парчовых завихреньях, в излучинах парчи теряет слезы... (66 слогов)

Гады проклятые, разве не видите — зонтик, рюмка? Не кантовать, мать вашу, не кантовать! (27 слогов) [3. С.103—104]

В произведении 11 из 20 абзацев состоят из 43 слогов, что позволяет создать силлабическую интенцию, ощущение некоторой упорядоченности. При этом 15 абзацев равны по объему двум типографским строкам. Подобный акцент на визуальное восприятие текста «намекает» на его близость к стиху. К основным стихообразующим факторам также следует отнести усложненность семантической и синтаксической структур, а также метризацию и рифмовку текста. Версейная проза, ориентированная на стиховую культуру, позволяет автору балансировать на границе между стихом и прозой.

Многомерный сложный мир, созданный в «Ожог», потребовал от Аксенова многомерной поэтики. Писатель определяет «Ожог» как «самый джазовый роман из всех» [2. С. 43]. Действительно, джаз, сочетающий элементы разных музыкальных культур и обладающий особой ритмической организацией, наиболее точно передает «настроение» романа. Именно для передачи джазового ритма Аксенов прибегает к столкновению ритмических структур стиха и прозы, разрушает дихотомию двух форм.

Сопоставление двух произведений Аксенова, отстоящих друг от друга во времени, позволяет проследить формирование авторской стратегии, связанной с особенностями включения стиха в структуру прозы. Если в ранних прозаических произведениях Аксенов использовал традиционные формы стиха и четко отделял их от прозы, то в «Ожог» он продемонстрировал многообразные приемы совмещения стихотворного и прозаического дискурсов. Значительно увеличился не только объем стихотворных вставок, но и смысловая нагрузка на стих. Именно с помощью стиховых элементов в прозе Аксенов создал особую, «джазовую» атмосферу «Ожога».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аксенов В. Коллеги // Звездный билет: сборник. — М.: Эксмо, 2014. — С. 5—256.
- [2] Аксенов В. Край недоступных Фудзиям. — М.: Вагриус, 2007. — 304 с.
- [3] Аксенов В. Ожог. — М.: Изограф, 1999. — 496 с.

LITERATURA

- [1] *Aksenov V. Kollegi* [The Colleagues], Moscow: Jeksmo, 2014, pp. 5—256.
- [2] *Aksenov V. Kraj nedostupnyh Fudzijam* [The province of unobtainable Fujiyamas], Moscow: Vagrius, 2007. 304 p.
- [3] *Aksenov V. Ozhog* [The burn], Moscow: Izograf, 1999. 496 p.

A VERSE LINE IN THE PROSE OF V. AKSENOV

E.G. Ivashchenko

the faculty of literature and world imaginative culture

Amur State University.

Ignatevskoe highway, 21, Blagoveshchensk, Amur region, 675028

The following article deals with specificity of the verse strategies in the prose of Vasily Aksenov. In the article we compare the short novel «The Colleagues» (1959) and the novel «The burn» (1975) both written in soviet period and take notice of the authors strategy of combining verse and prose in his literature works. In his early prose Aksenov used traditional verse forms noticeably diving them from prose, yet in the novel «The burn» he combined the forms in different ways increasing the variety of verse strategies and their usage in the narration and putting more sense in them.

Key words: verse, prose, prose-verse, metre, rhythm, rhyme.